

Калайникова О. Л.

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГРАНИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ М. БАРБЕРИ

У статті аналізується поетика роману М. Барбері «L'Élégance du hérisson» (2006 р), який став феноменально успішним у різних країнах, але насамперед у Франції, що пояснюють особливою роллю філософського елемента у творі, визначаючи його на цій підставі як «чисто французький роман». Дослідження поетики цього роману показало, що, незважаючи на велику кількість і різноманітність форм «присутності» філософської стихії в «L'Élégance du hérisson», призма світобачення автора роману виявляє і інші, не зазначені дослідниками грані «чарівного кристала», що дозволяє М. Барбері створити свою картину людського буття і побуту. Роль літератури як другої, не менш важливої, ніж філософія, призми світосприйняття позначена в романі недвозначно: у назві другої частини Вступу «Les miracles de l'Art»; у сюжетній інтризі майже «Попелюшиної» історії кохання консьєржки Рене і японського мільйонера Какуро Озу, захоплених романами Л. Толстого; літературними претекстами підказані назви глав роману; літературні асоціації розшифровують суть характеру оточуючих і пояснюють героям самих себе. Література стає предметом роздумів двох нараторів у романі, написаному як філософський діалог Рене і Паломи, які сповідаються самі собі. Еклектика літературних і культурних уподобань героїв (від Толстого і Манна до японських коміксів) дозволяє М. Барбері розкрити одну з особливостей художньої парадигми постмодернізму і зумовлена прагненням автора побачити різні грані життя. Заново прочитані Барбері літературні претексти стають ключем до оповідної техніки письменниці, що відбила досвід і Дантової «Божественної комедії», і барокових «Авантюр барона Фенеста» Т. А. д'Обін'є, і просвітницького філософського діалогу, і «Людської комедії» Бальзака. Визначаючи Мистецтво, передусім літературу, як ту силу, яка допоможе людству «вирватися з круговерті боїв і змагань», М. Барбері відкриває «чисто французький роман» у перспективу роману для всіх.

Ключові слова: філософський роман, претекст, постмодернізм, наративна стратегія, наратор.

Постановка проблеми. Творчество Мюриель Барбері, включающее сегодня четыре романа, пока не изучено в Украине, где французская литература нынешнего тысячелетия осмысливается отрывочно и фрагментарно (учебные пособия и хрестоматии В. Фесенко, К. Криворучко, статьи и диссертация В. Чуб, работы Т. В. Бовсунивской). Во многом это объясняется тем, что и французская литературная критика тоже не спешит с научным освоением живого движущегося потока современной литературы, беря своеобразную паузу в ожидании столь необходимого исследователю далекого плана. Во Франции произведения писателей рубежа тысячелетий и начала XXI в. только начинают включать в университетские курсы литературы, что определяет известную «нерешительность» научной рецепции художественных текстов, написанных в первые десятилетия 2000-х гг. Мюриэль Барбері и ее необычные романы в этом процессе занимают особое место. С одной стороны, они

отмечены многими престижными литературными премиями, а читательский успех, неожиданно свалившийся на писательницу после публикации ее первого романа «Une gourmandise» («Лакомство») и не исчезнувший после появления второго романа «Элегантность ежика», отражают особое место Барбері и ее прозы в современном литературном процессе Франции. С другой стороны, и на родине писательницы серьезное научное исследование ее произведений еще не началось: литературоведческая рецепция представлена чаще всего краткими рецензиями, четвертой страничкой обложки, откликами в прессе и интервью с М. Барбері. Однако особая высокая нота в романном хоре современной Франции, заданная М. Барбері, безусловно, заслуживает большего внимания и профессионального анализа. В украинском литературоведении творчество М. Барбері пока мало освоено. В подготовленных для студентов учебных пособиях В. Фесенко (2015),

С. Криворучко (2016), где сделана попытка обрисовать картину развития французского романа 1990–2000-х гг., имя писательницы даже не упомянуто, а ее романы обойдены вниманием [1; 5; 6]. В статье предпринята попытка продолжить осмысление поэтики французской романистики, начатое в предыдущей работе автора этого исследования [4], обратившись к роману М. Барбери «L'Éléance du hérisson» («Элегантность ежика») (2006).

Изложение основного материала. Второй роман, как и первая проба пера М. Барбери «Une gourmandise» (2000), стал феноменально успешным в разных странах, но, в первую очередь, во Франции, где мгновенно был раскуплен первый тираж книги в 400 000 экземпляров и где целых 102 недели роман оставался хитом продаж, количество которых в следующем году составило уже 1 млн 200 тыс экземпляров. По сей день произведение входит в число 50 наиболее покупаемых книг [23]. Не менее впечатляющими были продажи в Италии (400 тыс.) [9], Корее, Англии, в 2009 г. роман был переведен на русский, став популярным у русскоговорящего читателя, а в 2010 г. – на украинский язык под названием «Елегантна їжачиха» [3].

Многие критики объясняют такую популярность произведения, в первую очередь, у французского читателя тем, что философский элемент, доминирующий в произведении М. Барбери, имеющей, как известно, философское образование и преподававшей курс философии в Университете Бургундии, университетском институте подготовки мастеров в Сен-Лю, предопределил популярность романа именно на родине писательницы, где философия остается обязательным предметом. Об этом пишут и итальянский обозреватель одной из самых популярных в Италии ежедневных газет «La Repubblica» М. Боно, выделяющий в формуле успеха романа «интеллектуальный юмор, прекрасные чувства, отменный литературный и философский фон» [11], и обозреватель «The Guardian» Йен Самсон, подчеркнувший явную претензию романа на некую философию, что он считает прекрасным [22]. Другой обозреватель «The Guardian» Вив Гроскоп вообще называет роман Барбери «кратким курсом философии, который переплетается с историей платонической любви» [18]. Даже когда критики, как, скажем, рецензент американской «San Francisco Chronicle» Хеллер Мак'Алпин, сравнивают первый и второй романы писательницы, творческий рост автора усматривается, прежде всего, в осна-

щении романной поэтики философским элементом [20], хотя при этом называют «L'Éléance du hérisson» «привлекательным коммерческим хитом, который льстит читателю своей интеллектуальной фанерой» [12]. А Наталья Аспеци подчеркивает, что для читателя роман привлекателен тем, что преподносит «философские теории без малейшей педантичности, с большим удовольствием, так, чтобы читатель не догадывался об этом» [7]. Именно философские размышления о смысле жизни, о непреходящих проблемах бытия делают роман «книгой, которой нужно наслаждаться в малых дозах, чтобы лучше ее истолковать» [15]. В общий хор включается и наблюдение Грации Чьявареллы: «Между одним философским размышлением и другим роман поглощается на одном дыхании» [13]. Философским маркерам бытия в романе Барбери посвящена и статья 2013 г. украинской исследовательницы Т. В. Бовсунивской «Філософські маркери буття в романі Мюріель Барбері “Елегантна їжачиха”». Подобных замечаний критиков об особой роли философии в романе М. Барбери немало.

Действительно, философская стихия очень важна в «Элегантности ежика» и явлена в разных формах. Уже в кратком Вступлении, озаглавленном именем одного из самых спорных и самых влиятельных философов XIX в. «Маркс», философская нота подчеркнута и ссылками на «Немецкую идеологию» как антропологическую базу всех последующих наставлений Маркса о новом мире, и упоминанием об одиннадцатом тезисе о Фейербахе из работы Маркса «Тезисы о Фейербахе», и вовсе неожиданным в устах консьержки Рене употреблением специального философского термина *гибрис*, выделенного в тексте курсивом, чтобы, видимо, сразу же привлечь внимание читателя.

Философские маркеры в романе расставлены достаточно плотно, превращая текст произведения в своеобразную дорожную карту по наиболее знаковым философским теориям, классическим и новейшим. При этом отсылки к трудам знаменитых философов в романе могут быть не только непосредственными, как постоянно упоминаемые работы Ф. Бэкона, Э. Гуссерля, И. Канта, Р. Якобсона, К. Маркса, З. Фрейда, но и завуалированными (Э. М. Чоран / Сьоран, П. Вирильо, Ж. М. Шеффер, Сократ, Сенека, Платон) или присутствовать аллюзионно (Ж. Деррида, Э. Левинас, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Делёз).

Нарративная стратегия автора нацелена на философию и ее основные дефиниции. Своеобразный диалог Рене и Паломы, в который оформляются

две исповеди героинь, фокусируется вокруг философских категорий «всегда» и «никогда», «красота», «жизнь», «смерть», «общество», «культура», «знание», определяя значимость этих понятий для жизни каждого человека. Речь персонажей пестрит философской терминологией, которой изящно и без напряжения пользуются консьержка Рене и двенадцатилетняя Палома.

Обращается Барбери и к достаточно ощутимой в современной французской литературе (Г. Мюссо, А. Гавальда, Б. Вербер, Ф. Бегбедер, М. Уэльбек) моде на психоаналитические рассуждения и сюжеты. Но в «Элегантности ежика» всеобщее увлечение психоанализом истолковано сатирически через восприятие маленькой буржуазки Паломы, которая откровенно издевается над тем, что ее мать на протяжении 16 лет «успешно» лечится у психоаналитика, который во время сеансов занят только тем, что повторяет вслед за исповедующейся матерью окончание ее фраз. Ему Палома устраивает свой сеанс психоанализа, разоблачая врача как шарлатана.

Наконец сама композиция романа, основанная на поочередном высказывании двух нарраторов (Рене и Паломы), каждый из которых произносит свой внутренний монолог, позволяет воспринимать произведение как своеобразный философский диалог «двух мудрых гадких утят» (М. Боно), что связывает М. Барбери с традицией французского Просвещения и философскими диалогами Дидро и Вольтера. Чередование глав-хроник, представляющих собой высказывание Рене, консьержки в богатом доме на улице Гренель № 7 в Париже, и глав-дневников, написанных двенадцатилетней обитательницей этого дома Паломой, задумавшей совершить самоубийство в день своего 13-летия, предлагают читателю две разные «точки зрения» на одни и те же проблемы и события, определяя диалогический характер композиции романа и замыкая картину мира в множественность жизненных позиций и толкований бытия.

Философией пропитана вся повествовательная ткань произведения, что не является неожиданным для профессора философии М. Барбери. Однако призма мировидения в «Элегантности ежика» обнаруживает и иные, не отмеченные исследователями романа грани «волшебного кристалла», позволяющего М. Барбери создать свою картину человеческого бытия и быта.

В статье сделана попытка выйти за рамки привычного отождествления произведения Барбери

с философским романом и показать многомерность художественной парадигмы романа, которая не исчерпывается только философским элементом.

Возможность не только философского ракурса, столь четко обозначенного во Вступлении, написанном от лица Рене, подсказана отсылкой к одиннадцатому тезису о Фейербахе в этом же кратком Вступлении к роману: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Что и как может изменить его? Поисками ответа на этот вопрос и займутся два главных персонажа-нарратора в романе: Рене – нигде не учившаяся, бедная, некрасивая 54-летняя консьержка в доме уважаемых буржуа, и Палома, двенадцатилетняя дочь одного из обитателей этого дома, бывшего министра, а ныне депутата.

Если не философы и философия, то что может изменить наш мир? Вторая, не менее важная, чем философия, литературная грань кристалла обозначена во второй части этого же Вступления, названной «Шедевры мирового искусства»¹ (в оригинале – «*Les miracles de l'Art*» – Чудеса Искусства) [8]. Именно здесь появляется единственный спутник Рене – кот Лев, имя которого в контексте названия главы недвусмысленно намекает на Льва Толстого (догадка, которая подтвердится потом через имена котов обывателя дома на улице Гренель 7, японца Озу – Левин и Китти, явно отсылающих к роману Толстого «Анна Каренина»). В число шедевров попадают и «Смерть в Венеции», от которой млеет консьержка, и симфония Малера, чья музыка никак не укладывается в стереотипы представлений о вкусах обычных консьержек, прозвучала в знаменитой экранизации новеллы Манна, осуществленной в 1971 г. итальянским режиссёром Лукино Висконти.

И, наконец, третья глава Вступления – «Глубокая мысль № 1», – дневник дочери депутата, вводящая второго главного нарратора романа, девочку Палому, обозначает в палитре литературных претекстов, пытающих роман Барбери, еще одну важную литературную ноту – японскую, определяющую литературные вкусы юной интеллектуалки. Это хокку Мацуо Басё, знаменитого японского поэта XVII в., и манги Хиро Танигучи, чей комикс «Далеко по соседству» стал бестселлером во Франции в начале двухтысячных и был экранизирован в 2010 г. режиссером Сэмом Гарбарски (на французском фильм назывался «*Quartier lointain*» – «Отдаленный квартал»).

Роль литературы как второй, не менее важной, чем философия призмы мировосприятия обозначена в романе недвусмысленно.

¹ Перевод М. Кожевниковой [2]

Именно литература и, в первую очередь, романы Л. Толстого завязывает интригу «золушкиного», почти любовного сюжета в произведении М. Барбери о необычной дружбе простой консьержки Рене Мишель и японского миллионера Какуро Озу, одинаково влюбленных в творчество Л. Толстого. Литература позволяет Рене и Какуро опознать друг друга во время их первого знакомства, когда они обмениваются хрестоматийными фразами из «Анны Карениной» о счастливых и несчастных семьях.

К литературным претекстам («Анне Карениной» Л. Толстого) отсылают названия глав романа: «Рябинин» (18 гл. части «Камелии»), «По жарким вспотевшим плечам» (15 гл. в части «Палома») [2]. Литература позволяет персонажам проникнуть в суть характера окружающих и объяснить себе свою собственную жизненную позицию. Так, шарф кулинарного критика Пьера Артанса, напомнивший Рене шарф прустовского Леграндена из романа «В поисках утраченного времени», обнажает правду о том, что великий кулинарный критик – «напыщенный сноб в таком же шарфе, чутко отражающем все оттенки его эмоций, от надежды до обиды и от раболепия до высокомерия» [2]. А сюртук клошара Жежена, напомнивший Рене героя «Анны Карениной» купца Рябинина, помогает консьержке провести параллель между жизненной позицией героя Толстого и собственным ироническим отношением к сильному миру сего, смотрящим на нее презрительно и не подозревающим об интеллектуальной и духовной глубине простой консьержки.

Снять привычную камуфляжную маску необразованной забитой прислуги позволяют Рене слова Кутузова из «Войны и мира» Толстого: «*Mais tout est venu en son temps... Tout vient à son heure pour qui sait attendre...*» [8, с. 87–88]. Литература оказывается для Рене «самым благородным развлечением», «самым приятным обществом», «самым сладостным забытием» (гл. «Рябинин») и в то же время цивилизирующей терапией, превращающей примата, каковым человек все равно является, в человека: «Лучшее, безотказное оружие в борьбе с обезьяньим буйством – слова и книги, благодаря им душа моя развилась и научилась черпать в литературе силы для преодоления естества» (15 гл. «Долг богатых», часть «Камелии») [2]. Для Паломы японские хокку становятся противоядием от приклатенного трепа золотой молодежи («Глубокая мысль № 7»), а «Береника» Расина воспринимается этой девочкой как путь к пониманию чувств таких же, как она, подрост-

ков («Глубокая мысль № 10»). Не случайно размышления о литературе входят и в «Дневник всемирного движения. Запись № 3», который ведет Палома: «Что, если литература – своего рода телевидение, которое мы смотрим, чтобы приводить в действие свои зеркальные нейроны и без особого труда получать токи активной жизни? Или, еще того хуже, литература – телевидение, которое показывает нам то, что мы проворонили?» [2].

Не случайно сама М. Барбери, профессор философии, в интервью Лауре Ламанде для *La Repubblica delle Donne*, субботнего приложения к газете *La Repubblica*, постепенно ставшего по сути самостоятельным печатным изданием, отмечала: «Я предприняла долгие, очень скучные, философские исследования. Я ожидала, что они помогут мне лучше понять, что меня окружает: этого не произошло. Литература научила меня большому» [19].

Любопытен и такой факт: перед переездом в Японию, где писательница с мужем прожила два года после выхода «Элегантности ежика», Барбери преподавала литературу на педагогическом факультете Каенской академии.

Раздвигая привычные рамки литературных ориентиров в своем романе, наделяя персонажей разными литературными и культурными пристрастиями (от Толстого и Манна до японских комиксов), Барбери оправдывает такую эклектику стремлением увидеть разные грани жизни: «Как и мои главные герои, я также задаюсь вопросом: что мне нравится, что меня возбуждает? Хороший роман, а также гениальная манга Танигучи. Или развлекательный фильм, сделанный правильно. Зачем себя ограничивать? Я не боюсь эклектики» [19]. А Рене называет такую свою эстетическую всеядность «мешанину из... устремлений к высокому искусству и пристрастий к низкому» вовсе не позорным клеймом ее «неаристократического происхождения и бессистемных блужданий в поисках света знаний, а характерным свойством современных продвинутых интеллектуалов» (9 гл. «Красный Октябрь», часть «Камелии») [2]. Выделяя литературу как свою главную любовь, необразованная консьержка так очерчивает круг своего чтения: «Я прочитала кучу книг по истории, философии, политэкономии, социологии, психологии, педагогике, психоанализу, ну а больше всего, конечно, художественной литературы. Она – вся моя жизнь, все остальное – просто любопытства ради... Главное мое пристрастие – русская словесность до 1910 года, я ей неизменно верна (единственная любовь на стороне – Стендаль), однако же успела и от всей мировой литературы отхва-

тить весьма, на мой взгляд, приличный кус» (8 гл. «Предтеча молодой Элиты», часть «Камелии») [2].

Литературные претексты – ключ к повествовательной технике писательницы. Продолжая барочные традиции, Барбери в своей характерологии обращается к проблеме «быть и казаться», поставленной еще Теодором Агриппой Д’Обинье в «Les Aventures du baron de Faeneste» («Приключениях барона Фенеста») (1630 г.), но прочитывает ее наоборот, показывая несоответствие внешней примитивности внутреннему богатству души, рассказывая своеобразную историю двух интеллектуальных Золушек, двух «элегантных ежей», прячущих свое тонкое интеллектуальное «быть» за колючками непривлекательного внешнего «казаться». Сохраняя при этом традиционное для ренессансной литературы решение темы «быть и казаться», представленное в галерее образов обитателей дома № 7 по ул. Гренель, воплощающих разные варианты несовпадения внешней респектабельности и претенциозности с внутренней пустотой, Барбери только усиливает неожиданный ракурс разращения знакомой темы в истории Рене и Паломы. У Д’Обинье, «Приключения...» которого построены как «смесь диалогов и историй, которые следуют друг за другом в непонятном порядке» [16, с. 179], Барбери заимствует и нарративную стратегию, чередуя повествование от лица Рене и Паломы, не соблюдая при этом какой-то системы, отдавая большую часть повествования консьержке.

Неординарность жанровой природы «Элегантности ежика» усложняет задачу четкого определения жанровой парадигмы произведения. Многие называют этот роман «социальной комедией» (М. Боно) [11], другие – «социальной философией» (Сара Полотти) [21]. Роман получает определения «нежный, юмористический, исполненный духа философии» [10]. Исповедальный тон хроникаль-

ных глав Рене подталкивает исследователей к прочтению жанра произведения как автобиографии или, в то же время, как социальной хроники [14]. Генетическую связь романа Барбери с исполненными иронии философскими сказками Вольтера подчеркивает Р. Франжион [17]. А очевидный архетип Золушки, трансформированный, но угадываемый в историях консьержки, покорившей сердце японца Озу и маленькой Паломы – принцессы, живущей неопознанной в своей-чужой семье, позволяет назвать роман М. Барбери «современной волшебной сказкой, ученой басней, гимном толерантности и культуре» [14].

Итак, в коктейле разноприродных претекстов, из которых соткан интертекст романа М. Барбери, философия вовсе не является единственной доминантой. Включая в образ мира как важнейшую составляющую литературу, а также музыку, живопись, Барбери предлагает читателю понять, что путь к выходу из всех социальных и политических катаклизмов коренится в искусстве. Именно оно способно объединить людей разных социальных вселенных, что показывает писательница и в своем следующем романе «Жизнь эльфов» (2015 г.) в истории столь разных Клары и Марии.

Отвечая на нынешние политические, социальные, нравственные вызовы, М. Барбери обозначает ту незыблемую основу и условие продолжения истории человечества, которую она видит в совершенных созданиях человеческого духа и, в первую очередь, в Искусстве, дарующем человеку главное отличие от приматов: «Ces jours-là, où chavirent sur l’autel de notre nature profonde toutes les croyances romantiques, politiques, intellectuelles, , métaphysiques et morales que des années d’instruction et d’éducation ont tenté d’imprimer en nous, la société, champ territorial traversé de grandes ondes hiérarchiques, s’enfonce dans le néant du Sens. Exit les riches et les pauvres, les penseurs, les chercheurs, les décideurs, les esclaves, les gentils et les méchants, les créatifs et les consciencieux, les syndicalistes et les individualistes, les progressistes et les conservateurs; ce ne sont plus qu’hominiens primitifs dont grimaces et sourires, démarches et parures, langage et codes, inscrits sur la carte génétique du primate moyen, ne signifient que cela: tenir son rang ou mourir. Ces jours-là, vous avez désespérément besoin d’Art. Vous aspirez ardemment à renouer avec votre illusion spirituelle, vous souhaitez passionnément que quelque chose vous sauve des destins biologiques pour que toute poésie et toute grandeur ne soient pas évincées de ce monde» [8, с. 80–81]².

² «Сегодня, когда на алтаре нашей природной сути гибнут все романтические, моральные, интеллектуальные и метафизические идеалы, которые упорно внушались нам многолетним воспитанием и образованием, с ними вместе и вся общественная конструкция с ее делением на зоны и иерархическими ступенями рушится и погружается в лишенное смысла ничто. Нет больше бедных и богатых, философов и ученых, повелителей и рабов, добрых и злых, практиков и теоретиков, синдикалистов и индивидуалистов, революционеров и консерваторов – все они лишь рядовые гоминиды, и их гримасы и улыбки, манеры и украшения, языковой и разные другие коды обусловлены генотипом среднего примата и расшифровываются очень просто: отстоять свое место или умереть. В такие дни становится особенно острой потребность в искусстве. Мы жаждем вернуть иллюзию духовности, страшно хотим, чтобы что-нибудь спасло нас от биологического рока и чтобы не исчезли из нашего мира величие и поэзия» [2].

Прокладывая свою тропку между двумя значимыми для человечества комедиями: «Человеческой комедией» Бальзака, изобразившей неприглядность реального мира, и «Божественной комедией» Данте, подарившей человечеству надежду на выход в «высокое», Барбери в главе, название которой «Comédie fantôme» («Фантомная комедия» – в переводе М. Кожевниковой – «Лживая комедия») аллюзионно отсылает и к Бальзаку, и к Данте, определяет Искусство как ту силу, которая поможет человечеству «vous retirer de la ronde des joutes et batailles qui sont les us réservés de notre espèce dominatrice et donner à ce théâtre pathétique la marque de l'Art et de ses oeuvres majeures» [8, с. 81]³.

Выводы и предложения. Литературные грани художественной парадигмы «L'Élégance du hérisson» не менее значимы, чем философская стихия романа. Перепрочитанные М. Барбери

литературные претексты выполняют в романе сюжетобразующую роль, становятся ключом к повествовательной технике писательницы, отразившей опыт и Дантовой «Божественной комедии», и барочной художественной структуры «Авантюр барона Фенеста» Т. А. Д'Обинье, и просветительского философского диалога, и «Человеческой комедии» Бальзака. Определяя Искусство и, в первую очередь, литературу как ту силу, которая поможет человечеству «вырваться из круговерти сражений и соревнований», М. Барбери открывает «чисто французский роман», исполненный философской мыслью, в перспективу романа для всего человечества, романа, в котором осознана и воплощена важнейшая функция литературы, питающей сердце и душу. Это намечает пути дальнейшего изучения поэтики романов М. Барбери, обозначивших одну из тенденций развития современной французской литературы.

Список литературы:

1. Алхімія слова живого. Фр. роман 1945–2000 рр. : навчальний посібник / М. Мільнер, Ж. Бесьер, Б. Бланкман та ін. Київ : Промінь, 2005. 383 с.
2. Барбери М. Элегантность ёжика. Москва : «Иностранка», 2009. 400 с. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=3444&p=1.
3. Барбери М. Елегантна їжачиха / пер. Є. Кононенко. Київ : «Нора Друк», 2010. 360 с.
4. Калашникова О. Л. Пространство между тремя мирами в романе М. Барбери «Une gourmandise» («Лакомство»). *Від бароко до постмодернізму*. Вип. 17. 2013. С. 113–119.
5. Криворучко С. К. Література країн Західної Європи межі ХХ–ХХІ століття. Київ : Видав. дім Дмитра Бураго, 2016. 248 с.
6. Фесенко В. І. Новітня французька література : навчальний посібник. Київ : Вид. Центр КНЛУ, 2015. 273 с.
7. Aspesi Natalia. Tesori nascosti. *Elle*. 16.10.2007. URL: <https://www.edizionale.it/review/311>.
8. Barbery M. L'élégance du hérisson. Paris: Gallimard, 2006. 291 p.
9. Bentivoglio L. Muriel Barbery. *Repubblica*. 28.09.06. URL: <https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2008/09/06/muriel-barbery.html?ref=search>.
10. Beuve-Méry A. Corre il riccio, corre! *Le monde*. 02.10.2007. URL: <https://www.edizionale.it/review/330>.
11. Bono Maurizio. “The Elegance of the “Caviar Left”. *La Repubblica*. 22.09.2007. URL: <https://www.edizionale.it/review/1514>.
12. Caryn James, “Thinking on the Sly”. *The New York Times (The New York Times Company)*. 05.09.2008. URL: <https://www.nytimes.com/2008/09/07/books/review/James-t.html>.
13. Ciavarella Grazia. L'eleganza del riccio – Muriel Barbery. *La retorica*. 13.09.2016. URL: <https://www.laretorica.it/rubriche/tra-pagine-e-parole/2016/09/13/leleganza-del-riccio-muriel-barbery/>.
14. L'élégance du hérisson par Muriel Barbery. URL: <https://www.etudier.com/fiches-de-lecture/l-elegance-du-herisson/un-roman-difficile-a-classer/>.
15. “L'eleganza del riccio” di Muriel Barbery. *Ecshivers*. 09.01.2018. URL: <https://ecshivers.com/2018/01/09/leleganza-del-riccio-di-muriel-barbery/>.
16. Fantoni Christian. Narration et narrateurs dans Les Aventures du baron de Faeneste d'Agrippa d'Aubigné. Albinea, Cahiers d'Aubigné. 13.2001. L'œuvre en prose d'Agrippa d'Aubigné. pp. 179–189. URL: https://www.persee.fr/doc/albin_1154-5852_2001_num_13_1_881.
17. Frangione Raphaël. L'élégance du hérisson. URL: <http://www.pileface.com/sollers/spip.php?article925#section4>.
18. Groskop Viv. “Confessions of a clever concierge”. *The Guardian*. 14.09.2008. URL: <https://www.theguardian.com/books/2008/sep/14/fiction3>.

³ «вырваться из круговерти сражений и соревнований, которая составляет удел нашего доминирующего на планете вида, и облагородить этот жалкий фарс печатью Искусства в высших его проявлениях» (гл. 12 «Лживая комедия» из «Камелий») [2].

19. Lamanda Laura. Nouvelle Philosophe. *La Repubblica delle Donne*. 25.08.2007. URL: <https://www.edizionieo.it/review/1511>.
20. McAlpin Heller. "Gourmet Rhapsody" by Muriel Barbery. *San Francisco Chronicle*. 20.09.2009. URL: <https://www.sfgate.com/books/article/Gourmet-Rhapsody-by-Muriel-Barbery-3217492.php>.
21. Polotti Sara. Escursioni elfiche per dribblare una nuova... "Eleganza" *Il Giornale di Brescia*. 24.02.2016. URL: <https://www.edizionieo.it/review/5331>.
22. Samson Ian. "Just say yes". *The Guardian*. 25.10.2008. URL: <https://www.theguardian.com/books/2008/oct/25/fiction>.
23. Vincy Thomas. «L'élégance du hérisson» deviendra «Le hérisson» dès cet été au cinéma. *Lh/livresHebdo*. 25.05.2009 URL: <https://www.livreshebdo.fr/article/lelegance-du-herisson-deviendra-le-herisson-des-cet-ete-au-cinema>.

Kalashnikova O. L. BARBERY'S ARTISTIC PARADIGM LITERARY FACETS

The article attempts to analyze the poetics of M. Barbery's novel "L'Élégance du hérisson" (2006), which has become phenomenally successful in different countries, but primarily in France, that is explained by the special role of the philosophical element in the work, defining this novel on this basis as a "purely French novel". A study of the poetics of this novel showed that, despite the abundance and variety of forms of the "presence" of philosophical elements in "L'Élégance du hérisson", the prism of the author's worldview reveals also the other planes of the "magic crystal" that are not marked by researchers, which allows M. Barbery to create a picture of human being and everyday life. The role of literature as a second, no less important than philosophy, prism of world perception is clearly indicated in the novel: in the title of the second part of the Introduction, "Les miracles de l'Art"; in the plot of the almost "Cinderella" love story of the concierge Rene and the Japanese millionaire Kakuro Ozu, carried away by L. Tolstoy's novels. Literary pretexts prompted the names of the chapters of the novel; literary associations decipher the essence of the character of those around them and explain themselves to the heroes. Literature becomes the subject of contemplation of the two narrators in a novel written as a philosophical dialogue between Rene and Paloma confessing to themselves. And the eclecticism of the literary and cultural predilections of the heroes (from Tolstoy and Mann to Japanese comics) allows M. Barbery to reveal one of the features of the artistic paradigm of postmodernism and is due to the author's desire to see different facets of life. The literary pretexts re-read by Barbery become the key to the narrative technique of the writer, reflecting the experience of the Dante's "Divine Comedy" and the baroque "Les Aventures du baron de Faeneste" by T. A. d' Aubigné, and the philosophical dialogue of enlightenment, and Balzac's "Human Comedy". Defining Art, and, first of all, literature as the force that will help humanity "to break out of the whirlwind of battles and competitions," M. Barbery opens a "purely French novel" in the perspective of the novel for everyone.

Key words: philosophical novel, pretext, postmodernism, narrative strategy, narrator.